

Прошло около трех дней, Роман затруднился бы определить срок более точно

– система отсчета времени по хроносам пока оставалась, для него неясной. Здесь, в Тарне, день не сменялся ночью, а солнце, луна и звезды не появлялись на небосклоне, вечно затянутом мутно-белой пеленой. Роману приходилось довольствоваться примерной оценкой времени, он отмечал минувшие сутки пишущим стержнем на гибкой пластинке. И то, и другое он обнаружил, после недолгих поисков, в своих покоях. Он жил один в роскошных апартаментах, находившихся под постоянным наблюдением. Несмотря на длительные поиски и большой опыт в подобных делах, Роман не сумел найти устройства, связанные со следящими экранами. Здесь не было ни проводов, ни микрофонов, ни камер; вероятно, местная техника работала совсем на других принципах, чем земное телевидение. Однако разведчик был убежден, что за ним следят.

При расставании Хончо, принципат право, предупредил его, что новая встреча может состояться не скоро.

– Мне надо подготовиться, а на это уйдет несколько хроносов, – сказал он Роману – Фактически, я был уже готов действовать, но твое появление многое изменило – пожалуй, к лучшему. Однако в том, что ты рассказал, не все понятно. Мне надо поразмыслить, я не могу совершать ошибок. И запомни – только мне известно твое истинное имя. Для всех остальных ты – Мазда! Бог, ТОТ, КТО ПРИДЕТ К НИМ!

Роман не возражал, чтобы его приход к таинственным существам, ожидавшим Мазду в течение миллионов хроносов, несколько задержался. Он тоже не собирался совершать ошибок. Если не считать безуспешных поисков следящих устройств, в остальном он жил неплохо. Ему позволили оставить меч – деликатный намек на архаическую древность и бесполезность его оружия – и доспехи, которые он позаимствовал в подземелье. Весь этот скарб пылился в углу, потому что шкафы в его апартаментах заполняли гораздо более удобные одеяния, напоминавшие греческие туники и хитоны. В громадной, затейливо изукрашенной ванной он совершал омовения под струями благовонного пара. Отсутствие мыла и бритвы не тревожило Романа. Обычно он брился дважды в день

– занятие довольно утомительное, но неизбежное: утром его ждала работа, вечером – женщина. Здесь он мог отпустить бороду, не думая о Евгении и Елене, оставшихся за гранью прежней реальности.

Существа, приносящие ему пищу и следившие за чистотой в комнатах, были цебоидами, о которых говорил Мойна. Однако его слуги отличались от рабочих-животных, которых он видел на плантациях в первый день. Более высокие и крепкие, они, очевидно, принадлежали к породе специально выведенных солдат.

Цебоиды никогда не появлялись поодиночке, только группой – пять самок и один самец. Одежда самок состояла из коротеньких юбок, нагрудников и сандалий; они были безоружными. Сопровождавший их самец-цебоид имел при себе пневматическое ружье. И когда перекрывающий единственную дверь энергетический экран отключался, он бдительно торчал у порога, нацелив тонкую трубку в грудь Романа. В интервалах между их посещениями разведчик иногда пытался подойти к двери, но неодолимый силовой заслон каждый раз отбрасывал его назад.

Цебоиды не говорили на тарниотском. Их речь напоминала Роману болтовню обезьян, с которыми у этих созданий было немало общего. Конечно, он заметил и отличия. Хотя физиономии цебоидов походили на морды бабуинов, форма ушей у них приближалась к

человеческой; они легко передвигались на двух ногах, хотя при случае могли опуститься на четвереньки. Самки имели хорошо развитую грудь, прямые голени и рудиментный остаток хвоста. У самца, обладавшего более крепким, массивным телосложением, хвост казался длиннее, шерсть – гуще. С оружием он обращался довольно ловко.

Эти существа достойны внимательного изучения, решил Роман. Во время их первого визита он прилег на диван с книгой (чтение было его главным развлечением), сделав вид, что не замечает слуг. С таким же равнодушием он отнесся к духовому ружью, ствол которого с удручающим постоянством был направлен ему в грудь. Притворство являлось необходимым элементом его земного ремесла, и в этом отношении он, несмотря на, пылкий темперамент, достиг высокого профессионализма. Цепкий взгляд разведчика перебегал с одного цебоида на другого, фиксируя мельчайшие детали. Роман еще не знал, когда и зачем пригодится эта информация, но не сомневался, что она окажется полезной в той игре, которую он затеял.

Со своей стороны, самки-цебоиды не пытались скрыть жгучего интереса к пленнику. Он замечал влажный блеск их глаз – больших, мрачноватых, с коричневой радужиной вокруг темной точки зрачка. Прибирая комнату, они бросали на Романа любопытные взгляды, издавая странные булькающие звуки; он счел это разновидностью смеха. Иногда страж-цебоид рывал на них, его окрик утихомиривал самок, и на некоторое время они погружались в работу; затем все повторялось опять. Довольно скоро Роман догадался об их намерениях – они норовили заглянуть ему под тунику. Это позабавило его, однако он постарался не выставлять напоказ предмет их вожделений.

Все время, свободное от наблюдений над цебоидами, попыток поладить с дверью и безуспешных поисков следящих устройств, Роман тратил на книги. В его покоях их оказалось с избытком – вероятно, не без умысла со стороны Хончо. Но он не задумывался над мотивами принципата; он жадно читал, понимая, что знания помогут ему выжить. Иногда ему случалось наткнуться на любопытные факты – так, он выяснил, что слово «Тарн» означает «Вершина бытия». Утешительная концепция, подумал Роман, особенно если местное тарниотское бытие не с чем сравнивать.

К покоям разведчика примыкала просторная терраса – место его обычных прогулок. Дверь и окна, которые выходили туда, не защищал энергетический барьер. Роман неторопливо шагал вдоль невысокой, по пояс, балюстрады – сорок ярдов туда, сорок обратно. Цебоиды ушли, на время оставив его в покое; он был один – если не считать невидимых наблюдателей.

Разведчик облокотился на парапет и посмотрел вниз. Он знал – это было проверено неоднократно – что в тридцати сантиметрах от его лица находится силовой щит. Волшебный занавес, как назвал эту штуку Мойна. Осторожно, чтобы случайно не задеть экран, Роман наклонился, всматриваясь в зияющую под ним беспредельную пустоту. Метры и метры пустоты... ничего кроме пустоты, пропасти, в которой не было ни времени, ни пространства. Это зрелище притягивало и ужасало. Могло ли существовать что-либо подобное на Земле – или даже в тех неведомых мирах Измерения Икс, куда переносил его дьявольский компьютер Максимова?

Однако Роман привык доверять своим глазам. Его заточили в башне, прилепившейся на склоне скалистого ущелья. За ним, на высоком плато, находился Тарн. А вокруг плоскогорья – эта чудовищная бездна, безбрежный океан, в котором плавала, подобно острову, «Вершина бытия»...

Но это невозможно! Даже здесь, в Тарне... Рассудок отказывался верить тому, что видели глаза. Он помнил, что Мойна упоминал о питцинах. Они не относились к разряду

фантастических легенд, и Роман знал, что доказательство этого находится прямо перед ним. Башня, в которой его поместили – мощное сооружение, сложенное из блоков матового пластика – являлось одной из многих таких же крепостей, построенных для охраны ущелья. Это был форт, замок, защищавший Тарн от питцинов. Кто они? Какую силу они представляют? Следует ли рассматривать их как возможных союзников? Или новых врагов?

Терраса, закругляясь, огибала чудовищную громаду древней башни. Прогулка Романа заканчивалась у поворота – дальше, за незримой чертой, вспыхивала голубая завеса, отрезая путь. С этой точки он мог видеть еще одну террасу – внизу, метрах в десяти под той, на которой он стоял. Всегда пустынная и безлюдная, она притягивала разведчика неясным обещанием бегства. Если бы удалось совладать с силовой защитой.... Он не сомневался, что экран имел электромагнитную природу. Его познания в этой области были весьма ограниченными, но здесь оказалось немало полезных книг – и Роман, как губка, впитывал новую информацию.

Он понимал, что его хозяин затевает какую-то интригу. Ему, несомненно, отводилась важная роль в игре, и передышку, которую удалось получить, следовало использовать с толком. Знания умножали его силу. Знания, соединенные с опытом, давали шанс переиграть Хончо. Он не сомневался, что сюжет пьесы будет старым, как мир. Борьба за власть, честолюбие, тщеславие... Знакомые мотивы... Что ж, посмотрим! Пока он чувствовал себя в безопасности и был вполне удовлетворен выжидательной тактикой, навязанной обстоятельствами.

Роман вздрогнул. Нижняя терраса больше не пустовала. Он прищурился, разглядывая высокую гибкую фигуру. Женщина!

Она подошла к резному парапету и, устремив пристальный взор в пространство, принялась расчесывать волосы. Огненно-рыжей роскошной волной они спадали почти до колен, и в тишине, заполнявшей ущелье от края до края, Роман слышал резкий свист гребня.

Его сердце бешено забилося, судорога желания сжала горло. С неимоверным трудом он сделал вдох; сухой плотный воздух Тарна жег запекшиеся губы.

Что с ним? Неужели сказывается трехдневный пост? Или, как иногда шутил генерал, естество Романа опять готово поставить на колени его рассудок?

Вдруг новая мысль пришла ему в голову. Полный сомнений, он перегнулся через перила. Нет, это не симла и не бесполой ньютер... Женщина в плоти! Казалось, он чувствует аромат ее тела, сладкий запах волос... Шорох гребня громом отдавался в ушах. Невольно он протянул руку – и тут же отшатнулся назад. Проклятый экран! Но,... но вспышки, ни было!

Роман дважды повторил эксперимент – с тем же результатом. Защита была снята. Наконец-то! Врата его электрической клетки разомкнуты! Но почему? Что замышляет Хончо? Вероятно, он хотел, чтобы Роман увидел эту женщину. Впрочем, в данный момент намерения ньютера не слишком интересовали его невольного гостя. Возблагодарив богов Тарна, Роман опять склонился над парапетом, наслаждаясь зрелищем.

Казалось, женщина почувствовала, что за ней наблюдают. Внезапно она обернулась, подняла голову, и их взгляды встретились. Роман обладал превосходным зрением; ни расстояние, ни скудный свет, который дарило сумрачное небо Тарна, не помешали ему оценить классическую красоту ее лица. Высокий чистый лоб; глаза – яркие, миндалевидные; тонко очерченный прямой носик, алые губы.... Этот тип женской красоты всегда пленял его.

Узкая полоса ткани охватывала грудь незнакомки; вторая, шириной в ладонь, была обернута вокруг бедер. Роман лег животом на парапет и свесился вниз, ухватившись левой рукой за

столбик балюстрады. Ноги женщины не обманули его ожиданий. Длинные, стройные, с изящными маленькими ступнями, они были безупречны.

Рискуя свалиться вниз, он взмахнул рукой. Его жест словно разбил владевшее ими оцепенение. Женщина упала на колени, рыжие локоны рассыпались по обнаженным смуглым плечам. Прижав ладони к тексиновым плитам террасы, она низко склонила голову. Это движение, одновременно гордое и покорное, отрезвило Романа. Несомненно, Хончо начал действовать! И теперь ему предстоит первый выход в роли Мазды – ТОГО, КТО ПРИДЕТ К НИМ. Таинственные ОНИ сейчас мало заботили Романа, но мысль о том, чтобы прийти к рыжеволосой красавице, казалась ему вполне соответствующей моменту.

Женщина не вставала с колен, огненная волна волос закрывала опущенное лицо. Роман ждал. Наконец, она подняла глаза, и Роман сделал знак правой рукой, коснувшись своей груди и показав затем на нижнюю террасу. На его губах играла легкомысленная улыбка. Мазда, бог Тарна, находится в приятном расположении духа и был готов осчастливить смертную женщину.

Он быстро возвратился в комнату, открыл шкаф, вышвырнул одежду на пол и стал рвать ее на длинные узкие полосы. Ткань из мейна была довольно прочной, и Роман не боялся рухнуть вниз. В этот миг он не боялся ничего и никого – включая Хончо. Правда, его мучило любопытство. Всесильный владыка право снял защиту и, вполне вероятно, проинструктировал рыжеволосую прелестницу. Но почему? Не было ли это своеобразным испытанием? Что же, решил Роман, он постарается не ударить лицом в грязь. Пусть Хончо, бесполой слизняк, увидит на своих экранах, как может любить бог!

Веревка была немного коротковата. Он быстро скользнул до самого конца и прыгнул вниз – оставалось футов десять, не больше. Женщина исчезла. Роман подошел к двери, протянул руку – силовой барьер был выключен. Он переступил порог.

Ее покои, точная копия его собственных, тянулись вдоль террасы. Она стояла в первой, самой большой комнате, глядя прямо в дверной проем. Ожидала, понял Роман. Водопад огненных волос струился по плечам, прикрывал грудь, окружая тело сверкающим ореолом. Увидев вошедшего бога, женщина слабо вскрикнула, упала на колени и прижалась лбом к полу.

Роман приближался к ней, жадно разглядывая почти обнаженное тело. В бледном свете тарниотского неба ее кожа отливала золотом. Она задрожала, когда ладонь Романа легла на низко склоненную голову.

– Тебе известно, кто я? – он постарался, чтобы голос звучал бесстрастно.

– Да. Ты – Мазда... Ты – бог... Ты – ТОТ, КТО ПРИДЕТ К НИМ... – ее шепот казался едва слышным.

Роман сдержал улыбку. Значит, его догадка была верна – это проверка, первый ход. Хончо желает выяснить, как его гость справится с ролью.

Он снова коснулся ладонью обнаженного плеча. Ее плоть была теплой, бархатистой, безукоризненно гладкой и упругой. Ощущали ли раньше его пальцы подобное тело? Слабые воспоминания скользнули в памяти. Полутемная спальня, блеск белоснежной кожи, мраморное колено. Как ее звали? Елена? Он тряхнул головой. Нежный, едва заметный аромат ее плоти окутывал Романа. Пьянящий запах цветов и трав, зов жаждущей оплодотворения земли.

- Встань, - произнес Роман. - Я, Мазда, хочу взглянуть на тебя.

Она поднялась с колен гибким, неуловимым движением - стройная, высокая, почти как он сам. Ее глаза были опущены.

- Посмотри на меня, - приказал Роман.

Теперь глаза незнакомки - яркие, цвета ультрамарина, - глядели прямо на него. Что было в них? Он читал страх любопытство... благоговение... Призыв? Да, ошибки быть не могло.

Его рука лежала на плече женщины.

- Ты веришь, что я - Мазда, ТОТ, КТО ПРИДЕТ К НИМ?

Взмах темных ресниц и тихий шепот:

- Да, верю.

- И ты подчинишься мне?

- Во всем, мой повелитель.

Больше он не мог сдерживаться. Его плоть сгорала в пламени страсти. Он привлек женщину к груди и поцеловал. Она замерла, в его руках словно колонна из теплого золотистого камня. Глаза потемнели, теперь они казались бездонными синими озерами. Роман опять коснулся ее губ - покорных, мягких, безвольных. Она не ответила на поцелуй.

Роман разорвал объятия и, скользнув кончиками пальцев по нежной щеке, приподнял подбородок. Зрачки женщины не отрывались от его лица.

- Тебе не нравятся поцелуи?

- Поцелуи? Прости, повелитель... Я не знаю, что это...

- Я объясню, - сказал Роман, его голос внезапно стал хриплым. - Иди ко мне. Такова моя воля.

Он снова прижал к себе нежное тело, впился в алую рану рта. Она по-прежнему не сопротивлялась, податливые губы не ответили на поцелуй, но через миг Роман ощутил их слабый трепет. Ее голова откинулась назад, тело дрогнуло. Текли бесконечные секунды. Наконец, он отпустил ее.

- Это был поцелуй, - произнес Роман. - И в следующий раз ты будешь знать, как целовать мужчину. Тебе понравилось?

- Да, повелитель Мазда. - Снова взмах темных длинных ресниц. - Боги часто делают так?

- Когда у них есть время и подходящий случай, - беспечно ответил он. - Как тебя зовут, девушка?

- Зулькия, повелитель, ИХ мейдака.

Из прочитанных книг Роман знал, что мейдаками назывались доверенные служанки, особо приближенные к НИМ. Правда, ему казалось, что членам этого сословия было запрещено покидать Урсит, великую столицу Тарна.

Он сжал теплую ладонь Зулькии и потянул женщину к огромной низкой тахте, занимавшей целый угол комнаты. Она покорно сделала несколько шагов, потом вырвала руку и бросилась на колени.

- Нет! Нет, повелитель! Я не могу! Меня не предназначали ТОМУ, КТО ПРИДЕТ К НИМ! Я - карна, всего лишь карна!

Карна? Роман удивленно посмотрел на нее. Такого слова он не встречал. Его недоумение было столь явным, что, в свою очередь, озадачило рыжеволосую мейдаку. Не вставая с колен, она показала на полоску ткани, обвивавшую ее бедра.

- Я - карна. Моя печать сломана.

Несмотря на нетерпение, Роман был заинтригован. Он нагнулся и осмотрел ее скудное одеяние, похожее на бикини. Узкий пояс из текстона поддерживал этот наряд; над лоном его концы соединял круглый медальон, действительно похожий на печать. Зулькия коснулась его, и медальон распался. Мейдака подняла на Романа аметистовые глаза.

- Теперь ты понимаешь, властитель Мазда? Моя печать сломана. Ее поставила Жрица, и никто, кроме Жрицы не может очистить меня. Я была с одним из господ... тайно, без разрешения... и меня поймали. Вот почему я здесь. Я наказана, изгнана из Урсита... Я - зло, грязь... и повелитель Мазда не должен,... не должен...

Неожиданно она всхлипнула. Роман оглядел комнату. Слепые матовые стены окружали его, но где-то за ними маячила любопытная физиономия Хончо. Теперь Роман догадывался, что ньютер не был бесстрастным наблюдателем. Существо, бесполое от рождения... даже не евнух... Что за фантазии строит он, подсматривая за гомидами, людьми? Может быть, он тешит своей тайной властью над ними? Только ли тайной? Зулькия была человеком - и ее поймали за действием, самым естественным для человеческой природы... Кто счел ее преступницей? Кто определил меру наказания? Хончо?!

Роман снова взял нежную теплую руку женщины и потянул ее к постели.

- Я понимаю, - тихо произнес он. - И это совсем не важно. Идем.

Его пальцы скользнули по гибкой спине к застёжке, и нагрудник Зулькии с мягким шорохом упал на пол. Девушка, не двигаясь, смотрела на белый квадрат стены. Руки Романа коснулись золотых полусфер, прохладных, тяжелых... Он чувствовал, как ласка пробуждает к жизни ее соски, как более частым, отрывистым становится дыхание...

- Ты знаешь, что Хончо следит за нами? - его губы нашли нежную раковину уха под водопадом огненных волос.

- Да, знаю!

Ее ответ, неожиданно громкий, смутил Романа. Он прошептал едва слышно, на одном дыхании:

- Тише.... Говори тише...

Она слегка отстранилась и удивленно посмотрела на Романа. Аметистовые глаза расширились, сверкнули, как два драгоценных камня в оправе темных ресниц.

- Хончо слышал тебя.

Теперь ее голос был негромок, и Роман не уловил в нем ни страха, ни изумления. Простая констатация факта – и только. Он подавил нахлынувшее раздражение. От этих следящих экранов нельзя укрыться! Их техническое совершенство поражало. Неужели они доносят даже едва слышный шепот! Что же, по крайней мере, он получил важную информацию.

Внезапно новая мысль мелькнула у него в голове. А если попробовать.... Нет. Это подождет. Все подождет....

Груды Зулькии пылали под ее ладонями. Медленно, повинаясь безмолвному приказу его рук, она опустилась на тахту. Бог возжелал ее. Она выполняла долг, она сказала, что нечиста, но великий бог снизошел к своей рабыне. И теперь она отдавалась на милость божью.

Роман сбросил одежду. Аметистовые глаза следили за ним, покорные, влажные. Он сорвал узкую полоску ткани; медальон – печатка распался с чуть слышным шорохом, блеснул огненный мазок лона. Пальцы его дрожали.

На какой-то кошмарный миг – перед тем, как овладеть ею – Роман представил, что Хончо сыграл с ним дьявольскую шутку. Реальна ли эта женщина? Или ньютер подсунул ему симлу, фантом, изготовленный с непостижимым совершенством?

Секундой позже его сомнения исчезли. Она не была симлой. Она воплощала всех женщин, даривших ему любовь, всех, чьи руки ласкали его, чьи губы расцветали под его поцелуями. И в этом была тайна, непостижимая тайна, которую он открывал вновь и вновь, не в силах исчерпать, познать ее до конца, раз и навсегда.

Она не издала ни звука, даже не обняла Романа. Но тело ее, как чуткая струна арфы, отзывалось на каждый его жест, ласку, движение. Она была естественной и неповторимой, словно порыв ветра над степью, словно морская волна, прильнувшая к могучему береговому утесу.... И, подобно волне, она поглотила его, окутала ароматом плоти, связала прядями огненных волос.... Роман вскрикнул, в последнем усилии выплеснув тяжелый неистовый дурман страсти.

Они лежали, молча, не шевелясь. Внезапно Роман краем глаза заметил движение в углу комнаты и резко привстал на локте. В воздухе, напротив лежа, медленно гас, растворялся фантом Хончо.

Последней исчезла насмешливая улыбка ньютера.

<http://tl.rulate.ru/book/22670/482848>